

приоритет2030[^]
лидерами становятся

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ вызовы и перспективы развития в новой реальности

В.А. Кузнецов

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.А. Кузнецов

**РОССИЙСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Москва

Издательство «МГИМО-Университет»

2023

УДК 930
ББК 63.1(5)
К89

Автор:

Василий Александрович Кузнецов, заместитель директора по научной работе,
Институт востоковедения РАН, кандидат исторических наук

Рецензенты:

Аликбер Калабекович Аликберов, директор Института востоковедения РАН,
доктор исторических наук

Валентин Цуньлиевич Головачев, заместитель директора Института востоковедения
РАН, доктор исторических наук

Ответственные редакторы:

Виталий Вячеславович Наумкин, научный руководитель Института востоковедения
РАН, академик РАН

Андрей Анатольевич Байков, проректор по научной работе МГИМО МИД России,
кандидат политических наук

Максим Александрович Сучков, директор ИМИ МГИМО МИД России,
кандидат политических наук

К89 Кузнецов, В.А.

Российское востоковедение: вызовы и перспективы развития в новой реальности.
М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2023. 32 с.

УДК 930
ББК 63.1(5)

Издание подготовлено при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030».

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке доклада А.И. Василенко,
Г.В. Лукьянову, Р.Ш. Мамедову, А.В. Новиковой, А.Г. Петросян.

Данная публикация предназначена исключительно для личного использования
и не подлежит воспроизведению, распространению или переработке без письменного
разрешения Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России.

Запросы на перепечатку направляйте, пожалуйста, в ИМИ МГИМО МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76,

Тел.: +7 495 225-33-13

E-mail: imi@inno.mgimo.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта:

© Институт востоковедения РАН, 2023

© МГИМО МИД России, 2023

© Кузнецов В.А., 2023

Содержание

Введение	4
Историко-методологические особенности востоковедного знания	5
Генезис востоковедения	5
Тенденции развития востоковедения за рубежом.....	7
Российское востоковедение и его особенности.....	11
Состояние российского востоковедения	15
Образование	15
Исследования.....	20
Новые вызовы востоковедению.....	25
Выводы.....	28
Об Институте востоковедения РАН	30
О МГИМО МИД России	30

Введение

Новый этап формирования полицентричного миропорядка, укрепление на международной арене государств Азии и Африки и «поворот на Восток», заявленный Россией в контексте резкого роста напряженности в отношениях с Западом¹, заставляют поставить вопрос о качественном улучшении экспертно-аналитического сопровождения российской внешней политики на восточном направлении. Последнее, в свою очередь, требует переосмысления подходов к российскому востоковедению, тщательного анализа его текущего состояния и выявления перспективных направлений его развития.

В связи с этим, в настоящем докладе предпринимается попытка определить ключевые тенденции развития российского востоковедного образования и науки.

На наш взгляд, они определяются тремя основными категориями факторов:

- сущностными историко-методологическими особенностями востоковедного знания;
- спецификой уже сложившейся в России ситуации в востоковедном образовании и науке;
- общими вызовами, с которыми будет сталкиваться востоковедение как область социально-гуманитарного знания в обозримой перспективе.

Разумеется, помимо этих трех категорий при определении дальнейшей стратегии развития востоковедения необходимо принимать во внимание и внешние по отношению к этой области знаний обстоятельства — прежде всего, они связаны с международно-политической ситуацией и динамикой социально-экономического развития России.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Официальный сайт МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 22.08.2023).

Историко-методологические особенности востоковедного знания

Генезис востоковедения

Пожалуй, споры о том, что такое востоковедение, каковы его объект и предмет и можно ли считать его самостоятельной научной дисциплиной, ведутся почти столь же долго, сколь долго востоковедение существует. Сформировавшись в лоне европейской интеллектуальной традиции еще в докартезианский период, оно прошло через несколько этапов трансформации и переосмысления, на сегодняшний день довольно подробно описанных как в российской, так и в зарубежной историографии².

В Средние века и раннее Новое время оно развивалось преимущественно в контексте межрелигиозного и межкультурного диалога христианской Европы, прежде всего, с арабо-мусульманским и иудейским мирами³, и в меньшей степени в рамках непостоянных контактов с народами Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. Попытки найти ответы на вызовы динамично развивавшейся исламской цивилизации⁴, необходимость трансфера на европейскую почву как собственных достижений арабо-мусульманской культуры, так и сохраненного в ее лоне античного наследия⁵, а также стрем-

ление к более глубокому пониманию собственных основ христианской традиции⁶ стали важнейшими предпосылками для того, чтобы в церковной и в университетской среде стали появляться первые специалисты по ивриту, арабскому и арамейскому языкам⁷.

В то же время интерес к изучению народов Южной и Восточной Азии был связан, с одной стороны, с устремлениями европейских торговцев, а с другой стороны, все с теми же миссионерскими задачами христианской Церкви.

После начала европейской колониальной экспансии, приведшей к резкому увеличению западного присутствия на Востоке в XVIII и особенно в XIX вв., и в условиях становления научных методов познания в социальных и гуманитарных науках, накопленные ранее, более или менее разрозненные знания о странах и народах Востока начинали систематизироваться и дополняться прежде всего географическим, этнографическим и историческим материалом⁸. В это же время на развитие востоковедения стало оказывать влияние становление великих европейских идеологий национализма, ли-

² Dugat G. Histoire des orientalistes: Tome 1: de l'Europe du XII-e au XIX-e siècle : precedee d'une esquisse historique des etudes orientales : serie de XIX-e siècle / par Gustave Dugat. Maisonneuve et C-ie, 1868. 236 p.; История отечественного востоковедения до середины XIX века / Отв. ред. Г.Ф. Ким, П.М. Шаститко. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 435 с.

³ Монтгомери У. Влияние ислама на средневековую Европу (пер. с англ.). М.: Наука, 1976. 127 с. (Глава VI. Ислам и европейское самосознание, с. 97-111); Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания (пер. с итал.). СПб.: Александрия, 2007. 332 с.

⁴ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3ч.: Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / Пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с. (VI. Цивилизации, С. 589-707).

⁵ Монтгомери У. Влияние ислама на средневековую Европу (пер. с англ.). М.: «Наука», 1976. 127 с. (Глава V. Наука и философия в Европе, С. 82-96); Hobson John M. The Eastern Origins of Western Civilisation. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 376 p.

⁶ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

⁷ Lindberg D. Science in the Middle Ages. Chicago: University of Chicago Press, 1978. 549 p.; Burnett S.F., Jacquart D. Constantine the African and 'Ali Ibn Al-'Abbās Al-Mağūsī: The Pantegni and Related Texts. Leiden; New York; Koln: Brill, 1994. 364 p.

⁸ Бартольд В.В. Сочинения. Т.9: Работы по истории востоковедения. М.: «Наука», 1977. 966 с. (Глава XV-XX. С.404-484).

берализма и социализма. Результатом оказалось формирование того специфического образа Востока как некоего единого целого, противопоставленного динамично развивавшемуся и рациональному Западу, который будет вызывать ожесточенную критику в постколониальную эпоху.

В межвоенный период и особенно после окончания Второй мировой войны сначала становление национально-освободительных движений в странах Азии и Африки, а затем кризис колониализма подтолкнули к дополнению классического востоковедения современными исследованиями Востока. Наконец, в последней трети XX и в начале XXI в. постмодернистская критика позитивистской науки и расширение присутствия интеллектуалов из стран Азии и Африки, в особенности из стран Восточной и Южной Азии, в западных академических и университетских центрах привели к переосмыслению сформировавшихся ранее в востоковедении подходов и дали импульс появлению и развитию новых направлений исследований.

Описанные генезис и траектория развития востоковедного знания в Европе предопределили несколько свойственных ему особенностей.

Во-первых, оно возникло как знание практическое, связанное с необходимостью использования научных методов для решения прикладных внешнеполитических задач. Несмотря на то что характер этих задач со временем менялся, последствия указанного обстоятельства оставались неизменными: востоковедческие штудии были тесно связаны с государственными интересами, как бы они ни понимались в той или иной стране в то или иное время; правительства выступали основными заказчиками исследований; сами же исследования в значительной степени были мотивированы решением проблем безопасности; их реализация предполагала тесное взаимодействие между академическими учеными и практиками.

Во-вторых, востоковедное знание всегда оставалось идеологически нагруженным. Пусть «образ Другого» в Средние века, Новое и Новейшее время и претерпевал серьезные изменения, а отношение к этому Другому колебалось от страха до восхищения⁹, само противопоставление восточных обществ обществам западным в европейском востоковедении сохранялось.

В-третьих, специфический генезис знаний о Востоке предопределил свойственную им комплексность. В ядре любой области классического востоковедения — от арабистики до китаеведения — находится знание языка, истории и культуры изучаемой страны, что, в свою очередь, означает способность востоковеда по меньшей мере использовать базовый инструментарий историко-филологических исследований. Вокруг этого ядра формируются иные аспекты знаний об изучаемом обществе — антропологические, политологические, экономические и т.д.

К концу XX в. все три изначальные особенности востоковедения оказались поставлены под сомнение, прежде всего на Западе.

Заказчиками исследований стали выступать не только государства, но и институты гражданского общества, а также собственно правительства государств Азии и Африки — Китай, Индия, Малайзия и другие. Деколониальная критика, ярчайшим представителем которой стал Э. Саид¹⁰, предопределила скептическое отношение к изучению Востока как Другого. Наконец, потребность в наращивании знаний о современных социально-экономических и политических процессах в странах Азии и Африки в условиях быстрого развития социально-гуманитарных наук заставила поставить под сомнение

⁹ Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 412 с.

¹⁰ Саид Эдвард Вади Саид (1 ноября 1935 – 24 сентября 2003) — палестинско-американский ученый, литературный критик, политический активист и один из основоположников постколониальной теории; Саид, Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006. 636 с.

традиционную структуру востоковедного знания.

Все это породило серьезные дискуссии о сущности востоковедения, которые, впро-

чем, за рубежом и в России разворачиваются в совершенно разных социально-политических и интеллектуальных контекстах.

Тенденции развития востоковедения за рубежом

Строго говоря для стран Запада и особенно для США вопрос о востоковедении приобрел актуальность в то же время, что и для СССР — в 1950-60-е гг., когда в результате демонтажа колониальной системы в мире появилось множество новых независимых государств. В СССР эта проблема стала предметом обсуждения на XX съезде партии, за которым последовала резкая интенсификация деятельности Института востоковедения при Б.Г. Гафурове (1956-1977) и затем при Е.М. Примакове (1977-1985). В США же приблизительно в те же годы она оказалась предметом академического обсуждения.

Так, в 1962 г. Манфред Хальперн, специалист по Ближнему Востоку, бывший сотрудник Государственного департамента и профессор Принстонского университета, опубликовал в журнале *World Politics* статью, посвященную анализу ситуации с ближневосточными исследованиями в американских университетах¹¹.

Описывая сложившуюся ситуацию как в целом неудовлетворительную, он отмечал, что исследования исламского мира были начаты в Америке только в 1940-е гг. и только в 1950-е гг. в стране появились первые специалисты по современному Ближнему Востоку. Несмотря на растущую потребность в них государства, на момент публикации текста в востоковедческом образовании все еще сохранялся большой крен в сторону изучения классической истории, в то время как представления о современности оставались, по мнению автора, совершенно неадекватными. Этот примат классического образования стал причиной и того, что авторы, обращаясь к проблемам сов-

ременности, вместо того чтобы выявлять общие тенденции развития восточных обществ, концентрировались на описании их уникальности, при этом явно предпочитая работу с письменными источниками изучению живой социально-политической реальности.

Ввиду кадрового голода даже важнейшие проблемы современного развития региона выпадали из фокуса научного анализа, а академические публикации по современности страдали от теоретической слабости и недостатка системного подхода.

В краткосрочной перспективе сложившаяся ситуация, по мнению Хальперна, могла решаться импортом специалистов из стран Старого света, однако стратегически необходимым представлялся пересмотр всего подхода к востоковедному образованию.

Озвученная Хальперном критика ближневосточных исследований исходила не изнутри научного поля, а извне — она основывалась на потребностях американского правительства. При этом (пусть только на ближневосточном материале) обозначались основные проблемные узлы — конфликт между классической подготовкой и знаниями современности; необходимость непосредственного изучения реальности; необходимость углубления теоретической фундированности исследований.

Эти проблемы не теряли своей значимости для американского востоковедения на

¹¹ Halpern M. Middle Eastern Studies: A Review of the State of the Field with a Few Examples // *World Politics*, 1962, 15 (01), pp.108–122.

протяжении и нескольких последующих десятилетий.

Так, согласно одному из исследований, уже в 1980-е годы более 84% опубликованных в США статей по Ближнему Востоку основывались на описании отдельных случаев, 9,3% содержали в себе элемент компаративистики, статистические методы использовались в 5%, а квазиэкспериментальные в 1,4%¹². Таким образом, превалирование интереса к частному и уникальному и недостаточная теоретическая фундированность исследований, отмеченные Хальперном, сохранялись и два десятилетия спустя после публикации его статьи.

Ситуация несколько изменилась после окончания Холодной войны, когда американский истеблишмент обрел иллюзию скорой победы продвигавшегося им политического проекта. В этих условиях не только в политическом, но и в академическом сообществе на какое-то время стала доминировать точка зрения, согласно которой изучение уникальности отдельных обществ политически бессмысленно: на смену тщательному востоковедческому анализу должно прийти исследование общих закономерностей политического развития¹³, осуществляемое в рамках генерализирующих наук (политологии, экономики и пр.).

Ярким примером споров того времени оказался проходивший в 1994 г. ежегодный конвент Ассоциации ближневосточных исследований. Один из его участников, описывая состоявшиеся дискуссии, выделял следующие обозначившиеся в них позиции¹⁴.

Ряд докладчиков выказывали серьезную озабоченность относительно будущего ближневосточных исследований как таковых. По мнению одних, единственной гарантией их выживания могло служить усиление коммуникации как между востоковедами и специалистами по смежным

социальным дисциплинам, что позволило бы показать академическую востребованность востоковедения, так и между академическим сообществом и гражданским обществом, что позволило бы продемонстрировать культурную значимость этой области знаний. По мнению других участников, гарантией выживания должно было стать усиление методологической и концептуальной составляющих в исследованиях вместо традиционно превалировавшего фокуса на уникальном эмпирическом материале. Наконец, с точки зрения третьих, речь должна была идти прежде всего о политизации ближневосточных исследований, которая могла бы повысить их объяснительную и прогностическую ценность для государства¹⁵.

Проблемные узлы, обозначенные Хальперном, сохранялись, однако характер дискуссии кардинальным образом изменился — от вопроса о том, как усилить исследования современного Востока, она перешла к вопросу о том, зачем они вообще нужны.

Ситуация усугублялась тем, что одновременно востоковедам приходилось отвечать и на иной вызов — на этот раз, брошенный им не практиками, а соратниками по академическому цеху.

В конце 1970-х гг. на фоне активно развивавшейся тогда постмодернистской критики была опубликована известная работа Э. Саида «Ориентализм». При том, что в ней ситуация в западном востоковедении рассматривалась с сугубо теоретических позиций, выводы, которые делали из этой публикации сторонники американско-палестинского ученого, носили вполне практический характер.

¹² Bilgin P. Is the 'Orientalist' past the future of Middle East studies? // Third World Quarterly, 2004, Vol. 25, No. 2, pp. 393-403.

¹³ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006. 636 с.

¹⁴ Bilgin P. Is the 'Orientalist' past the future of Middle East studies? // Third World Quarterly, 2004, Vol. 25, No. 2, pp. 393-403.

¹⁵ Ibid. P.393-394.

Так, во время вышеупомянутого конвента симпатизировавшие Э. Саиду участники, ссылаясь на его идеи, описывали феномен американского ориентализма. Последний, с их точки зрения, сводился к «этноцентристскому видению» реальности, при котором все мировые социально-политические процессы рассматривались в США исключительно с американской точки зрения, воспринимавшейся как эталонная, а сама идея уникальности той или иной культурной общности американским истеблишментом совершенно не воспринималась. Результатом этого становились многочисленные ошибки американской внешней политики, подменявшей реальность фантазийными образами американоцентричного сознания.

Вместе с тем присутствовавшие там же противники Саида отмечали, что главный вред его теории состоял не столько в ее принципиальной ошибочности, сколько в том, что она лишь затемняла реальность, еще больше снижая политическую полезность исследований и их прогностическую ценность.

Дискуссии вокруг инициированной Э. Саидом критики ориентализма, в конечном счете, имели прямое отношение к разным пониманиям сущности гуманитарного знания как такового.

Позиции, с которых выступал и сам Саид, и его единомышленники и последователи, представлялись неприемлемыми и даже оскорбительными (нео-) позитивистам, видевшим в своих оппонентах скорее идеологически ангажированных активистов от науки, чем ученых. Эти активисты, казалось, ставили под сомнение все многовековое наследие научной мысли, в сущности не предлагая ничего нового.

В то же время, с точки зрения самих представителей критической теории их задача и не состояла в том, чтобы предложить что-то новое для «расколдовывания мира».

Она была много более амбициозна — пересмотреть сами основы гуманитарного (и шире — вообще научного) знания¹⁶.

Этот спор о востоковедении между позитивистами, настаивавшими на примате объяснительных и прогностических функций науки, и постмодернистами, представлявшими критическую теорию, накладывался на базовую для социальных и гуманитарных наук дилемму между генерализирующим и индивидуализирующим знанием¹⁷.

Востоковедение, таким образом, вынуждено было сражаться на два фронта. Будучи по сути своей знанием индивидуализирующим, оно вынуждено было отстаивать свое право на существование, с одной стороны, перед лицом укреплявшихся в новых политических условиях генерализирующих социальных наук, а с другой — перед лицом критической теории, рассматривавшей сам процесс изучения как акт доминирования.

Результат этой битвы был противоречив. Одним ее итогом стал почти полный отказ в западном академическом сообществе от понятия *Oriental studies (Orientalology)* в пользу более широкого понятия *area studies*, что, в принципе, может переводиться как «страноведение».

Несмотря на то что такая замена понятий иной раз воспринимается как свидетельство принципиальных изменений, произошедших в западном академическом мире под влиянием идей Э. Саида, и едва ли не как признак смерти востоковедения, оказавшегося якобы рудиментом эпохи колониализма, преувеличивать ее значимость не стоит.

В ведущих европейских университетах система подготовки специалистов по раз-

¹⁶ Момджян К.Х. Номотетическое познание в общественных и гуманитарных науках // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2015. Т. XLV. № 3. С.16–22.

¹⁷ Тлюстанова М.В. Деколониальность знания и преодоление дисциплинарного декаданса // *Эпистемология & Философия науки*. 2011. Т. XXVII. №1. С.84–100.

личным регионам Востока сохраняет в себе черты классического востоковедения.

Так, в Лейденском университете¹⁸ бакалаврская программа по Южной и Юго-Восточной Азии строится прежде всего на изучении языка, истории, культуры и социального развития стран региона. Предлагаемая тем же университетом программа по африканским исследованиям в первый год на треть состоит из языкового образования (суахили или берберский) и на две трети — из общих курсов. На второй год обучения студент может выбрать специализацию по социолингвистике, литературе и искусству или истории и антропологии изучаемых обществ. На третий год в обязательном порядке предусматривается полугодовое обучение в одной из стран Африки.

В Оксфорде на сайте Факультета азиатских и ближневосточных исследований с самого начала говорится, что «многим людям на “Западе”» предметы, которые изучают на факультете, могут казаться «экзотическими», однако на самом деле «речь идет об изучении большей части мира», причем части наиболее динамично развивающейся¹⁹. Подобная манера репрезентации, сохраняющая противопоставление Восток-Запад и акцентирующая внимание на современности и востребованности знаний о Востоке, встречается и у иных вузов. Парадокс состоит в том, что в реальности предлагаемая этим факультетом бакалаврская программа — совершенно классическая. Она предполагает обучение по одному из двенадцати направлений (языковому: арабскому, китайскому, японскому, ивриту, фарси, санскриту, турецкому или комплексному: египтологии, религиоведению и т.п.). Основу учебного плана составляет изучение восточного языка, истории и культуры изучаемой страны. Несколько десятков магистерских программ также посвящены классическим циклам, и только единицы — современности.

Несмотря на замену понятий, в сущности своей западное востоковедение никуда не исчезло — оно присутствует как в образовательных программах университетов, так и в академической инфраструктуре.

Другим результатом ожесточенных дискуссий конца XX в. оказалось заметное расширение проблемного поля востоковедных штудий, в рамках которых получили свое развитие гендерные, субальтерные, политэкономические, девелопменталистские и другие направления исследований, от которых традиционное востоковедение было очень далеко. Одновременно с этим интенсификация взаимодействия с представителями иных социальных дисциплин привела к обогащению методологического арсенала востоковедов, с энтузиазмом начавших использовать в своих исследованиях социологические, количественные и другие методы.

Наконец, третьим результатом стало то, что, отстояв свое право на существование и обогатив классический цикл востоковедных дисциплин новыми подходами и даже направлениями исследований, в том, что касается изучения современности, востоковедение сохранило и методологическую, и институциональную дистанцию по отношению к генерализирующим дисциплинам.

Сокращение этой дистанции, вероятно, станет одной из задач развития социального знания на следующем этапе.

Что же касается других задач, то некоторые из них вполне традиционны. Они связаны с уже описанными дихотомиями: академического и прикладного знания, позитивистского идеала научности и культурно-идеологической обусловленности социального знания, стремлением к сохранению классической структуры востоковедения и

¹⁸ Leiden University: Bachelors. URL: <https://www.universiteitleiden.nl/en/education/bachelors> (дата обращения: 28.08.2023).

¹⁹ Faculty of Asian and Middle Eastern Studies: About Us. University of Oxford. URL: <https://www.ames.ox.ac.uk/article/about-us> (дата обращения: 28.08.2023).

необходимостью его дальнейшего методологического и проблемного обогащения.

Появляются и принципиально новые задачи. Наиболее существенные из них, по всей видимости, будут связаны с изменением инфраструктуры академического знания и становлением мощных университетов и исследовательских центров мирового уровня в самих странах Востока.

Очевидно, что для работающих в них исследователей изучение их собственных обществ уже не является востоковедением как таковым: «В современном Китае, например, европейское востоковедение подвергается критике за субъективизм и сохранение атавизмов колониальной эпохи. Но при этом признается, что именно зарубежное (некитайское) китаеведение (*ханьсюэ*) стало важной составляющей научного

китаеведения собственно в Китае (*госюэ*). Китайскими интеллектуалами делается попытка и более широкого противопоставления западного знания (*сисюэ*), западного ориентализма-востоковедения (*дунфансюэ*) и национальной науки (*госюэ*)»²⁰. Точно также и в арабском мире понятие «*истишрак*» — востоковедение — получает негативные коннотации, связанные как с колониализмом, так и с христианской миссионерской деятельностью. И хотя, в отличие от китайских университетов, арабские исследовательские центры все еще довольно сильно зависят от западной традиции, стремление к развитию собственных научных школ в них также становится все более выраженным.

В этих условиях западному востоковедению придется отстаивать свое право на существование уже не только перед представителями западных же академических кругов или политического истеблишмента, но и перед коллегами из изучаемых ими стран.

Российское востоковедение и его особенности

Описанные выше проблемы развития зарубежного востоковедения создают определенный контекст, в котором развивается и востоковедение российское, впрочем, далеко не всегда похожее на западное.

С самого своего возникновения оно отличалось от западного тем, что представляло собой одновременно изучение и зарубежного, и внутреннего российского Востока, который в XX в. уже не воспринимался как Другой, по крайней мере в цивилизационном отношении (хотя бы потому, что советская идеология отрицала сам цивилизационный подход)²¹. То обстоятельство, что

Россия, будучи включена в европейскую историю и культуру, в то же время принадлежит и к целому ряду восточных «миров» — исламскому, буддистскому и другим, очевидным образом усиливает потенциал отечественного востоковедения и повышает значимость знаний о Востоке для российского общества. Одновременно оно означает, что каждый из этих миров принадлежит как к российской, так и к более широкой культурно-цивилизационной общности. Достаточно вспомнить в этом отношении, что как русская аристократия начала XIX в. воспринимала себя частью европейской элиты,

²⁰ Ломанов А.В. Изучение зарубежного китаеведения в КНР: культурно-цивилизационные аспекты // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 500, 503, 506, 509; Введение в востоковедение / Под ред. Е.И. Зеленева, В.Б. Каасевича. СПб., 2010. С. 11.

²¹ Другой вопрос, что в советский период существовало устойчивое противопоставление традиционного и современного миров, однако традиционность относилась не только к советскому Востоку, но в гораздо большей степени к миру российского крестьянства как таковому. О советском модернизационном проекте см.: Вишневецкий А.Г. Консервативная революция в СССР // Мир России. Социология. Этнология. 1996. №4. С48-49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konservativnaya-revolyutsiya-v-sssr> (дата обращения: 03.09.2023).

так и виднейшие представители, например, татарской мысли — Ш. Марджани, М. Бигиев и другие — были глубоко интегрированы в международное исламское культурное пространство, предпочитая писать либо на татарском, либо на арабском.

Наследие этих мыслителей таит в себе огромный и еще далеко не полностью освоенный современной российской культурой потенциал. Очевидно, что «поворот на Восток» и укрепление евразийской идентичности российского государства-цивилизации должно вести к обращению к этому наследию, что, в свою очередь, означает необходимость переосмысления уже не только востоковедения, но и российской культуры как таковой.

Другая особенность российской ситуации связана с тем, что гремевшие в Европе и Америке в конце XX в. бурные войны между позитивистами и представителями критической теории в значительной степени обошли стороной российское востоковедение, а когда все же оказались восприняты, то встретили немалый скепсис²². Как характерный для советской науки позитивистский подход, так и интегрированность Востока в российское культурное пространство не позволяли отечественным ученым рассматривать востоковедение исключительно как науку о Другом, хотя и не препятствовали существенным образом восприятию тех новых направлений и методов исследований, которые появились в востоковедении в последние десятилетия.

Кроме того, специфика российской истории, семидесятилетнее доминирование

официальной марксистско-ленинской идеологии и наступивший вслед за тем период естественного ее отторжения привели к формированию в рамках российского востоковедения специфических научных школ. Достаточно в этом отношении вспомнить споры об «азиатском способе производства» или активное развитие цивилизационного подхода в постсоветское время. Стоит в связи с этим упомянуть таких авторов-теоретиков, как Л.Н. Гумилев, Л.С. Васильев²³, Л.Б. Алаев²⁴, Н.А. Симония²⁵, В.П. Илюшечкин²⁶ и др. Некоторые из разрабатывавшихся ими теорий могут вызывать серьезную критику (как, например, искания Л.Н. Гумилева), однако они все же давали мощный импульс развитию гуманитарного знания.

Наконец, еще одной специфической чертой отечественного востоковедения можно считать, с одной стороны, совершенно специфический колониальный опыт России, которая никогда не выступала государством-колонизатором ни на Ближнем Востоке, ни в Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии или в Африке, а с другой – быстрое наращивание мощи СССР, приведшее к формированию в нем уникальных направлений востоковедческих исследований. Результатом этих двух факторов стало появление специфических научных школ, подобных которым на Западе не существовало – достаточно напомнить, что МГИМО был внесен в Книгу рекордов Гиннеса как вуз, в котором преподается наибольшее количество языков. При этом советское востоковедение было лишено того зачастую свойственного бывшим метрополиям высокомерного отношения к изучаемым обществам, которое могло отличать подчас востоковедение западное.

Впрочем, помимо особенностей российской культуры и сложившегося в стране

²² Панарин С.А. Эдвард Саид: книга софизмов // Историческая Экспертиза. 2015. №2 (3). С.78-105.

²³ Васильев Л.С. История Востока. Том I-II. М.: Высшая школа, 1994. 568 с.

²⁴ Алаев Л.Б. История Востока. М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2007. 496 с.; Алаев Л.Б. Проблематика истории Востока М.: Ленанд, 2019. 504 с.

²⁵ Симония Н.А. Страны Востока: Пути развития. М.: «Наука», 1975. 384 с.

²⁶ Илюшечкин В.П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. В 2-х вып. М.: Наука, 1980. 444 с.; Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М.: Наука, 1986. 394 с.

интеллектуального климата, характер отечественного востоковедения определялся и еще двумя более «приземленными» обстоятельствами. Некоторая дистанцированность советских и российских востоковедов от западных (обусловленная не только идеологическими, но и попросту языковыми причинами) и относительная ограниченность отечественного интеллектуального рынка вели к тому, что при расширяющихся задачах востоковедных исследований и в советское, и в постсоветское время они происходили в условиях дефицита ресурсов, в том числе кадровых. Результатом этого стала не только неравномерность развития различных направлений востоковедного знания, но и то, что особо значимые труды отечественных авторов носили обобщающий характер: «мелкотемье» в отечественной науке скорее порицалось.

Одновременно с этим следствием сохранения системы параллельного функционирования университетского и академического знания становилось то, что основным, если не единственным, заказчиком востоковедных исследований как в советское, так и в постсоветское время оставалось государство.

Именно оно инициировало когда-то возникновение основных центров востоковедного знания, оно же дало импульс исследованию современного Востока в 1960–80-е годы. На закате советской эпохи, в 1990-е и в начале 2000-х годов, оно, в принципе, востоковедением интересовалось мало. Однако в 2010-е годы инициированные реформы науки и образования и восприятие российским академическим сообществом гремевших за рубежом методологических споров привели к тому, что вопрос о судьбе востоковедения вдруг оказался вынесен на повестку дня.

Тенденция, особенно ярко проявившаяся в это время, состояла в стремлении упразднить востоковедение как таковое, исключив его из номенклатуры специальностей, поскольку под сомнение может быть поставлено существование и объекта исследования, и специфической методологии; и заменить его зарубежным регионоведением.

Такая критика, вполне вписывавшаяся в ставший, как мы видели, еще ранее весьма заметным на Западе дискурс, имела под собой некоторые основания. В самом деле, сложно спорить с теми обстоятельствами, что само наличие «Востока» как социально-политической или культурной реальности за пределами западного воображения сомнительно; что за долгую историю своего существования в качестве научной дисциплины востоковедение не выработало собственных инструментов исследования социальной реальности; или что сами условия существования этой области знаний сегодня радикально отличаются от ситуации столетней давности.

Ответы на эту критику были даны как в академических публикациях ведущих отечественных востоковедов, так и в заявленной ими общественно-политической позиции. Сравнивая между собой увидевшие свет тексты и выступления представителей ведущих российских востоковедных центров — А.К. Аликберова²⁷ (ИВ РАН), Е.И. Зеленева²⁸ (НИУ ВШЭ СПб.), А.В. Лукина²⁹ (НИУ ВШЭ), А.А. Маслова (ИСАА МГУ), М.Б. Пиотровского³⁰ (СПбГУ) (последний выступает, наверное, наиболее последовательным защитником сохранения востоковедения в

²⁷ Аликберов А.К. Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы // Ориенталистика. 2022. № 5. С. 722-733.

²⁸ Введение в востоковедение. Общий курс / Отв. ред.: Е.И. Зеленев, В.Б. Касевич. СПб.: Каро СПб, 2013. 584 с.

²⁹ Лукин А.В. Востоковедение: предмет и перспективы развития в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. № 2. С. 234-252.

³⁰ Пиотровский: отказ от курса "Востоковедение" негативно скажется на подготовке дипломатов // ТАСС. 30.03.2016. URL: <https://tass.ru/politika/3164046> (дата обращения: 30.08.2023).

номенклатуре специальностей) и др., обращает на себя внимание, что избравшиеся ими стратегии отстаивания востоковедения отличались некоторым сходством.

Во-первых, все эти стратегии представляются оборонительными: каждый из авторов считал необходимым оправдывать существование той области знаний, которую он представлял, доказывая ее актуальность и востребованность. Изменение международно-политической ситуации в 2022 г. привело к тому, что эти доказательства стали казаться, в принципе, избыточными — на смену критики востоковедения в общественном дискурсе пришла абсолютизация его значимости для современной России³¹.

Во-вторых, рассуждая о востоковедении, каждый из авторов практически неизбежно обращался к вопросу об объекте исследования востоковедов и размышлял о том, что такое Восток. Подобный подход, на первый взгляд, вполне естественный, на самом деле вовсе не обязателен. В самом деле, проблема определения объекта исследования вполне естественна для большинства областей социально-гуманитарного знания — от истории до психологии, однако ни в одном из случаев трудность определения объекта не становится основанием для упразднения исследовательской области. Более того, как отмечал еще Макс Планк³², выделение научных дисциплин в принципе — процесс искусственный.

Наконец, **в-третьих**, все указанные авторы выстраивали свою стратегию защиты через обращение к истории знаний о Востоке, анализ которой помогал им не только продемонстрировать нужность востоковедения, но и выявить отличия российского востоковедения от западного.

Дополняя вполне убедительные аргументы упомянутых авторов, надо отметить, что даже если в каких-то своих аспектах критика востоковедения и верна, то все же существуют глубокая академическая и образовательная традиция, собственные школы, специфические теоретические подходы в востоковедных исследованиях. Даже сама изначально заложенная в востоковедение методологическая интегративность, представляющаяся сегодня особенно перспективной, говорит в его пользу.

Сегодня, как представляется, речь должна идти не о том, чтобы отмахиваться от накопленного в отечественной и мировой науке опыта академических исследований под предлогом их отягощенности колониальным наследием (в конце концов, этим наследием отягощена вся западная социальная мысль), но о сохранении накопленного опыта, его переосмыслении и обогащении через обращение к новым инструментам научного поиска. Кроме того, речь должна идти и о развитии тех сильных сторон российского востоковедения, которые отличают его от востоковедения зарубежного.

³¹ Минобрнауки России совместно с научным сообществом и бизнесом разработало проект программы развития востоковедения и африканистики // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ. 17 мая 2023. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/68050/> (дата обращения: 30.08.2023).

³² Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 25.

Состояние российского востоковедения

Для описания актуального состояния российского востоковедения разумным представляется отдельно рассмотреть сферу

высшего образования, в большей степени реализуемого в университетах, и науки, которой занимаются также институты РАН.

Образование

В общей сложности в России немногим менее тридцати вузов дают образование по специальности «Востоковедение и африканистика» на уровне бакалавриата и/или магистратуры. Помимо них, есть целый ряд вузов, предлагающих программы по специальностям «Международные отношения» или «Зарубежное регионоведение» (МГИМО, Факультет мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского и др.), которые предполагают получение студентами знаний либо о Востоке вообще, либо об отдельных его регионах. При этом, например, в Томском государственном университете есть кафедра востоковедения на факультете исторических и политических наук, однако нет специализации по востоковедению. В расположенном в Хабаровске Тихоокеанском государственном университете есть факультет востоковедения и истории педагогического института, однако специализации по востоковедению тоже нет. Однако наиболее ярким примером такого вуза служит МГИМО МИД России, в котором преподаются все основные восточные языки, включая редкие, и который играет первостепенную роль в формировании кадров, обеспечивающих российскую политику на Востоке.

Несмотря на эти обстоятельства, в сущности позволяющие рассматривать тот же МГИМО как по сути востоковедческий вуз, в рамках настоящего доклада мы концентрируемся на анализе деятельности только тех

вузов, которые выдают дипломы по специальности «Востоковедение и африканистика».

Обращение к их доступным для анализа информационным ресурсам позволяет сделать следующие выводы и наблюдения.

1. Речь идет о довольно разнообразных организационных структурах, что отражает разные масштабы деятельности вузов в сфере востоковедения. Среди них есть крупные подразделения больших университетов, каждое из которых в принципе могло бы работать как самостоятельный вуз — такие, как ИСАА МГУ или Восточный факультет СПбГУ, однако в других случаях востоковедение представлено лишь как одно из направлений специализации в составе более комплексных кафедр.

2. Обращают на себя внимание географические диспропорции.

Специализация по востоковедению дается в вузах восемнадцати городов. При этом, если в Москве речь идет о восьми вузах, то в Санкт-Петербурге — о двух, а в каждом из остальных городов — об одном.

При этом в вузах Владикавказа, Воронежа, Екатеринбурга, Краснодара, Новосибирска, Пятигорска, Севастополя, Читы, Южно-Сахалинска, а также Иркутска, речь идет об отдельных кафедрах или секторах

внутри кафедр. В основном эти кафедры специализируются либо на языковом образовании, либо на истории и международных отношениях. Что касается остальных городов, то среди них выделяются Москва и Санкт-Петербург как две образовательные столицы. К ним подтягивается Владивосток, претендующий на то, чтобы быть научно-образовательной столицей азиатской части России, и отчасти Казань, где существует старейшая в России востоковедческая школа. Вместе с тем в таких городах, как Улан-Удэ, Махачкала, Элиста, Уфа и та же Казань, востоковедение связано с исследованием национальной культурно-исторической традиции. При этом в университетах целого ряда субъектов, где подобная традиция существует, соответствующих подразделений нет: большинство республик Северного Кавказа, Тыва, Алтайский край. Точно так же их нет и в крупных образовательных центрах, вроде Нижнего Новгорода, где изучение современного Востока осуществляется в рамках программы по международным отношениям, или Ростова-на-Дону, где только начинают реализовывать некоторые программы, в основном в связке либо с ведущими столичными вузами (НИУ ВШЭ), либо с академическими институтами (ИМЭМО им. Е.М. Примакова, ИВ РАН).

3. Вузы, в которых представлено востоковедение, довольно очевидно делятся на несколько категорий:

1) флагманские вузы, в которых трудится крупный коллектив, есть свои научные школы, а сам вуз обладает федеральным значением (ИСАА МГУ, Восточный факультет СПбГУ);

2) крупные вузы, активно развивающие отдельные области востоковедения, однако не обладающие большими востоковедческими коллективами (РГГУ, МГИМО, различные подразделения НИУ ВШЭ, КФУ и др.);

3) вузы, играющие значительную роль в сохранении национальных историко-культурных традиций в отдельных субъектах;

4) вузы, в которых преподавание востоковедения ограничивается изучением отдельных восточных языков и некоторых базовых регионоведческих курсов.

Первая категория, в сущности, представлена только в Москве и Санкт-Петербурге. Во второй категории, помимо этих двух центров, можно назвать Владивосток и Казань, вузы которых (ДВФУ и КФУ), впрочем, последнее время все более активно претендуют на вхождение в первую категорию. В обоих случаях эти амбиции подкрепляются федеральным значением вузов, наличием в них устойчивых, сформировавшихся еще в XIX в., научных школ, плодотворных научных и педагогических коллективов и значительным количеством студентов. В то же время в обоих случаях существует исторически сложившаяся специализация вузов – в одном случае на дальневосточных исследованиях и изучении региона АТР, в другом – на исследовании регионов исламского мира. К третьей категории относятся вузы Казани, Улан-Удэ, Уфы и Элисты. К четвертой – все остальные, хотя это не означает, что в некоторых из них не может быть ярких ученых или интересных разработок по отдельным направлениям востоковедных исследований.

Наконец, в случае с Москвой может быть выделена и пятая категория вузов — вузы, лишенные собственного кадрового потенциала и выполняющие роль своеобразных «спутников» либо академических институтов, либо других крупных вузов.

4. Стоит обратить внимание и на некоторые количественные показатели. Согласно данным проводимого НИУ ВШЭ мониторинга качества приема в вузы³³ на протяжении последних шести лет ежегодно на востоковедение и африканистику принимает абитуриентов около 18–20 вузов. При том что год от года цифры приема колеблются, в среднем речь идет о 1400–1600 человек, из которых треть поступает на бюджетные места. Распределение бюджетных мест между вуза-

³³ Мониторинг качества приема в вузы. НИУ ВШЭ. URL: <https://ege.hse.ru/rating/2020/84025342/all/?rlist=&ptype=0&glist=Востоковедение+и+африканистика&vuz-abiturients-budget-order=ge&vuz-abiturients-budget-val=> (дата обращения: 30.08.2023).

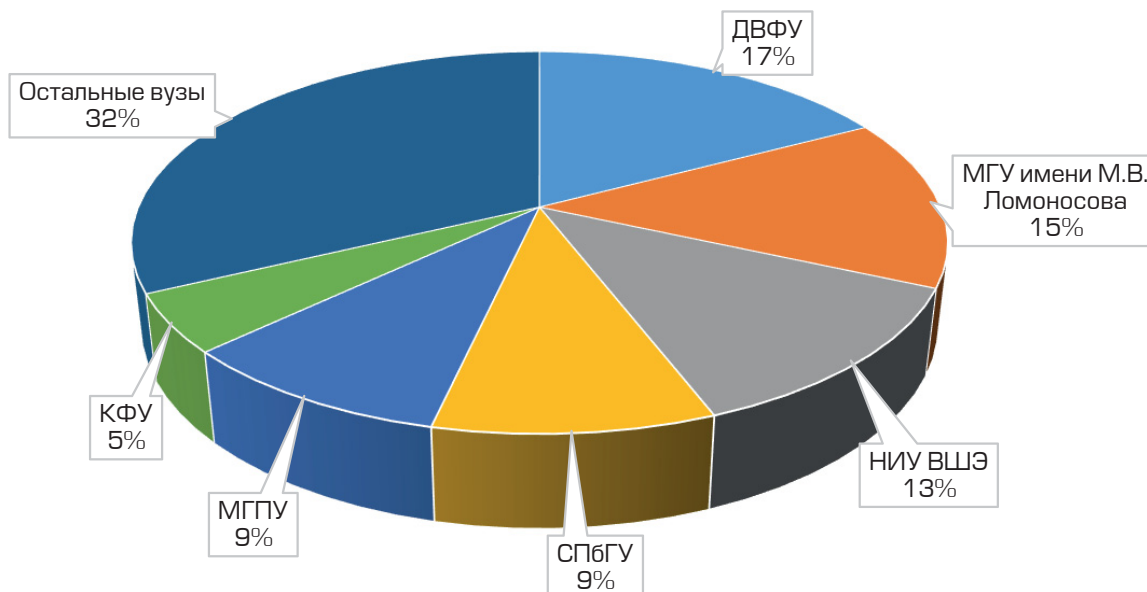

Рис. 1. Распределение бюджетных мест между вузами в 2022 г.

ми довольно показательно. В 2022 г. из 591 места 119 получил ДВФУ, 100 — МГУ имени М.В. Ломоносова, 86 — НИУ ВШЭ (Москва) и по 65 мест — СПбГУ и МГПУ, 34 места — КФУ — это составляет почти 79% всех мест (рис. 1). Остальные вузы получили от 6 до 20 мест. В 2021 г. на те же крупнейшие вузы приходилось 76,4% мест, в 2020 г. — более 77%, в 2019 г. — 81%, в 2018 — 68,5%, в 2017 г. — 78,4%. Если сравнить с этим распределением небюджетных мест, то можно увидеть, что наиболее популярными с большим отрывом оказываются ДВФУ и КФУ, обычно набирающие на небюджет более, чем по сто студентов. Близкие к ним цифры обычно показывает НИУ ВШЭ.

Таким образом, названные шесть вузов можно считать лидирующими по востоковедению и африканистике. Из них по среднему баллу на бюджет и по стоимости обучения на небюджете лидируют (по второму показателю с большим отрывом) НИУ ВШЭ, МГУ имени М.В. Ломоносова и СПбГУ. Высокий вступительный балл и стоимость обучения при этом свидетельствуют о престижности востоковедного образования в этих вузах.

5. Существует очевидная диспропорция языкового образования. Преподаваемые в востоковедческих вузах восточные языки делятся на три категории: широко представленные (китайский (20), арабский (16),

японский (16), корейский (13)), средне представленные (турецкий (11), фарси (10), монгольский (6), иврит (5), вьетнамский (4), хинди (4)) и мало представленные (все остальные восточные языки, многие из которых, хотя и заявляются университетами, но в реальности практически не преподаются). Основная часть мало представленных языков преподается только в нескольких вузах: ИСАА МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, а также в МГИМО и Военном университете, хотя последние и не дают образования по специальности «Востоковедение и африканистика».

Характерно, что катастрофическая ситуация касается не только действительно редких языков, традиция преподавания которых во многих случаях просто утрачена, но и целого ряда крупных языков, на которых говорят сотни миллионов людей. Это, прежде всего, языки Индии, Пакистана, ряда государств Юго-Восточной Азии, Африки южнее Сахары. Точно так же эта ситуация касается преподавания государственных языков стран, являющихся ближайшими партнерами Российской Федерации — государств Центральной Азии и Южного Кавказа.

Что касается наиболее популярных языков — китайского, арабского, японского, корейского, а также фарси и турецкого, то во многих случаях их преподавание в университетах не подкрепляется кадровым по-

тенциалом в китаеведении, арабистике и др. В сущности, в таких случаях, несмотря на наличие востоковедческого диплома, речь может идти либо об изучении языка с целью дальнейшей работы в практической сфере, не имеющей отношения к востоковедению (логистические и торговые компании, туризм и т.п.), либо о формальном изучении языка, в том числе для повышения религиозного образования обучающегося или для удовлетворения культурных потребностей — ни то, ни другое не связано с реальным рынком труда.

6. Необходимо обратить внимание на то, что составляет основу образовательных программ. Как правило, это преподавание языка, которое дополняется общими страноведческими курсами. Большинство вузов на своих сайтах перечисляют довольно широкий их перечень: история, география, культура, литература, международные отношения и внешняя политика, экономика и проблемы социально-экономического развития изучаемых стран и регионов и т.д. Как представляется, концепция такого образования формировалась в большинстве случаев по модели классических востоковедческих центров (Восточного факультета СПбГУ и ИСАА МГУ). По крайней мере декларативно она в целом соответствует общемировой традиции, хотя и чуть отличается от нее отсутствием комплекса дисциплин, связанных с культурной антропологией изучаемых обществ, и наличием линейки базовых курсов по современности — во многих западных университетах они не преподаются в рамках бакалаврской подготовки востоковедов.

Вместе с тем зачастую не вполне ясно, как преподавание всех этих курсов обеспечивается кадрами. В большинстве рассматриваемых вузов основной профессорско-преподавательский состав представлен специалистами по языкам (далеко не всегда имеющими учёные степени) и несколькими специалистами по истории или международным отношениям того или иного региона Востока. В то же время специалистов по экономикам или социальным процессам в изучаемых странах практически нет.

На уровне магистратуры программы в целом отличаются однообразием. Ряд вузов осуществляют подготовку только на уровне бакалавриата (Воронежский госуниверситет, МГПУ, КубГУ, Факультет практического востоковедения Московской международной академии, Новосибирский госуниверситет, Пятигорский госуниверситет). В большинстве остальных предложение ограничено одной магистерской программой, и только несколько вузов предлагают относительно широкие линейки магистерских программ — ВФ СПбГУ (9), ИСАА МГУ (6), КФУ (5), Калмыцкий госуниверситет (3), ДВФУ (2), Дипломатическая академия (2), НИУ ВШЭ (Москва) (2), НИУ ВШЭ (СПб) (2), ГАУГН (2), СЕВГУ (2), РГГУ (2). Тематика 45 заявляемых программ показательна: 16 сфокусированы на языковом и филологическом образовании, 16 — на современном политическом развитии и международных отношениях, 7 — на истории и культуре, 4 — на экономике и бизнесе, 2 — на исламоведении.

Если выделение первой и отчасти третьей групп программ вполне естественно — оно соответствует специализации преподавательского состава, то выделение второй и четвертой групп, очевидно, связано со стремлением соответствовать общественному и/или государственному запросу: характерно, что целый ряд программ по современности были открыты после 2022 г. На практике проблема дефицита кадров при реализации этих программ решается двумя способами — максимальным сокращением часов, отводимых под профессиональные курсы в пользу языковых и общих курсов (по политологии, международным отношениям, экономике и т.п.), и привлечением специалистов по смежным дисциплинам. В результате, например, историки читают курсы по политическим системам или конфликтам в тех или иных регионах Востока.

Перечень существующих магистерских программ отличается еще и очевидным их однообразием, отсутствием узкой специализации. Если не принимать в расчет чисто языковые программы, то из остальных лишь одна посвящена Японии и Корее, одна —

Ирану, две — арабским странам (хотя в одном из этих случаев реальный учебный план не отражает арабистическую специализацию), две — Китаю. В остальном — это общие программы, предусматривающие подготовку по более или менее широкому комплексу региональных проблем.

Почти никакие из магистерских программ не реализуются в партнерстве с потенциальными работодателями (исключение составляет ВФ ГАУГН), а практическая составляющая в преподавании, в основном, ограничивается изучением языка.

Парадоксально, но даже при презентации на информационных ресурсах востоковедческих вузов как таковых, в большинстве случаев упор делается именно на актуальность изучения Востока в связи с динамичностью его развития, хотя в реальности основной кадровый потенциал вузов связан почти всегда с классическим циклом дисциплин.

Абитуриент выбирает между приблизительно одними и теми же программами, на которые принимают (на уровне бакалавриата) по схожему набору ЕГЭ, которые (на уровне магистратуры) имеют мало отношения к реальному рынку труда и которые зачастую мало соотносятся с действительно сильными сторонами вузов.

7. В процессе подготовки востоковедов наблюдаются явные проблемы с учебно-методической базой — для преподавания большинства узкоспециальных предметов в вузах (за исключением восточных языков) либо учебники отсутствуют вовсе, либо используются пособия, изданные еще в советское время. Если в крупных университетских центрах ситуация отчасти компенсируется наличием больших библиотечных фондов и доступностью специальной научной литературы, то в других случаях этих возможностей нет. Исключением из этого общего правила дефицита учебно-методи-

ческой литературы является литература по преподаванию восточных языков: в российских востоковедческих вузах созданы мощные и подчас уникальные школы преподавания арабского, китайского и целого ряда иных языков.

8. Отдельной проблемой следует считать отсутствие стажировок. Несмотря на то что большинство вузов в своих рекламных материалах заявляют о наличии у них возможностей отправлять студентов в страны изучаемых языков, в реальности практически везде это остается исключением, а не правилом. При этом с различными регионами специализации ситуация складывается по-разному — у студентов, занимающихся китайскими, южнокорейскими или японскими исследованиями, в среднем шансов пройти стажировку в стране изучаемого языка много больше, чем у арабистов, иранистов или африканистов.

Существует проблема, связанная с вовлечением студентов в научную деятельность вузов. При том что сама эта деятельность будет рассмотрена далее, здесь достаточно отметить, что в тех вузах, в которых нет собственной кадровой базы исследователей, а основной состав ограничивается в основном преподавателями восточных языков, редко когда активно занимающихся исследовательской деятельностью, университет не может выполнять свою вторую классическую функцию — вовлекать студентов в научную деятельность и соответственно воспроизводить собственную кадровую базу. В ряде случаев эта проблема решается посредством коллаборации вузов между собой или с ведущими научно-исследовательскими центрами. Наиболее яркими примерами таких практик служат ГАУГН, Институт стран Востока, отчасти СевГУ, КФУ. Очевидно, что подобное решение возможно только в тех случаях, когда вуз существует в насыщенной востоковедческой среде, речь о существовании которой может идти лишь в тех городах, где располагается либо несколько университетов, реализующих программу в сфере востоковедения, либо действуют академические университеты.

Как можно видеть по предложенному анализу, ситуация, сложившаяся в стране с подготовкой востоковедческих кадров, довольно тревожная. Очевидно, что если какие-то из обозначенных выше проблем могут быть решены через интенсификацию межвузовского и академического вза-

имодействия (в частности, это касается обеспеченности преподавания учебно-методической литературой), то в других случаях требуются действия более системного характера, которые не могут и не должны проводиться по инициативе только ректорского корпуса.

Исследования

До сих пор при анализе состояния дел в отечественном востоковедении речь шла только об образовательной деятельности, однако для полноты картины необходимо обратить внимание и на деятельность исследовательскую, которая теоретически должна присутствовать как в академических институтах, так и в вузах.

На практике дело обстоит не совсем так.

Далеко не все вузы, дающие востоковедческое образование, осуществляют в этой сфере сколь-либо заметную научную деятельность – исключение, как было отмечено, составляют довольно масштабные исследования, связанные с преподаванием восточных языков.

В остальном же из пяти выделенных ранее категорий о существовании исследовательской деятельности речь может идти в вузах первых трех, но и в них число исследователей намного меньше, чем количество преподавателей. Так, например, в ИСАА МГУ из 214 сотрудников, чья публикационная активность отражена в системе «Истина», 60 (то есть немногим менее трети) либо вообще не занимается научной деятельностью, либо почти не занимается. Еще более 20 человек ведут исследования в смежных с востоковедением областях (педагогика, макроэкономика, международные отношения и т.п.). Таким образом, число активно работающих востоковедов-исследователей составляет около 60%. В других вузах ситуация, как правило, более тяжелая – в значи-

тельной степени это связано с колоссальной преподавательской нагрузкой, попросту не оставляющей времени сотрудникам для активных занятий наукой.

В целом, с точки зрения исследовательской деятельности категоризация вузов более или менее совпадает с их категоризацией по образованию. Ведущими университетскими центрами академического знания в области востоковедения можно считать ИСАА МГУ и ВФ СПбГУ, а также по отдельным направлениям — МГИМО, НИУ ВШЭ, КФУ и ДВФУ. В иных университетах речь идет, как правило, об осуществлении исследовательских проектов отдельными научными группами или даже отдельными исследователями. Отдельную категорию составляют вузы, прицельно занимающиеся сохранением национальных культурных традиций отдельных народов Российской Федерации, и в этом плане занимающие уникальную нишу как в научном, так и в культурном пространстве страны.

Вполне естественно, что в целом более значимыми, нежели вузы, центрами академической науки остаются научно-исследовательские институты, действующие либо в системе РАН, либо в системах иных академий наук. В отличие от вузовских преподавателей, для которых публикационная активность зачастую остается, пусть и поощряемым со стороны администрации, но редко когда специально оплачиваемым хобби, для научных сотрудников она составляет основное содержание трудовой деятельности.

В той или иной степени востоковедческими исследованиями занимается более

20 институтов³⁴. Их длинный перечень не должен вводить в заблуждение. Среди них присутствуют как огромные организации с коллективами по несколько сотен научных сотрудников, так и совсем небольшие научные коллективы, вроде Центра египтологических исследований (ЦЕИ) РАН, коллектив которого составляет полтора десятка человек (включая совместителей). Кроме того, в целом ряде случаев речь может идти лишь об отдельных подразделениях, работающих по востоковедной проблематике, в рамках крупных организаций.

Крупнейшими академическими центрами по востоковедению можно считать ИВ РАН (более 400 сотрудников), ИМБТ СО РАН (130), ДФИЦ РАН, Институт Африки РАН (более 100), ИКСА РАН (более 100). К ним можно добавить занимающиеся изучением татарской истории и татарского культурного и языкового наследия институты Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), в которых в общей сложности трудится более 100 человек, а также, хотя и меньший по размерам, но занимающий важное место в отечественном востоковедении ИВР РАН с его коллективом около 50 человек.

Как можно видеть, практически все институты, занимающиеся проблемами зарубежного Востока, расположены в Москве.

Подавляющее большинство рассматриваемых институтов в своей деятельности фокусируется на классическом цикле востоковедческих исследований: истории, археологии, этнологии и филологии.

Только в деятельности ИАФ РАН, ИКСА РАН, а также в работе небольших востоковедческих подразделений ИМЭМО, ИКАРП ДВО РАН и ЦИС АН РТ проблематика по современности превалирует. В ИВ РАН на ней концентрируется приблизительно половина структурных подразделений, или более 200 человек — больше, чем научный коллектив любого другого института.

Как в случае с классическими, так и в случае с современными исследованиями существует определенная специфика тематики проводимых исследований.

Вполне естественным кажется то, что в случае с археологическими изысканиями превалирует тематика, связанная с проведением работ на территории России, хотя у того же ИВ РАН в последние годы развернулась целая серия экспедиций на Ближнем Востоке (Египет, Судан, Сирия, Ирак), в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан), на Кавказе (Абхазия). Однако и в чисто исторических исследованиях, проводимых другими институтами, заметно большее внимание уделяется всему, что связано с историей отношений России с теми или иными государствами и народами Востока, либо истории народов Российской Федерации.

Несколько выделяются из этого общего правила несколько институтов или подразделений внутри институтов.

В качестве примеров можно привести тот же ИВ РАН, где работает уникальная исследовательская группа, занимающаяся сокоотрийскими исследованиями и регулярно проводящая полевые исследования на Сокотре (Йемен) — результатом ее многолетних изысканий стала разработка письменности сокоотрийского языка и издание

³⁴ Институт востоковедения РАН (ИВ РАН), Институт восточных рукописей РАН (ИВР РАН), Институт Африки РАН (ИАФ РАН), Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН), ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, Институт археологии Крыма РАН, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Институт всеобщей истории РАН, Институт философии РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН), Институт языкознания РАН, Центр египтологических исследований РАН, Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН (ИКАРП ДВО РАН), Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Институт монголоведения, буддологии, тибетологии Сибирского отделения РАН (ИМБТ СО РАН), Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, Институт археологии АН РТ, Центр исламоведческих исследований АН РТ, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Отделение социально-гуманитарных наук и технологий АН Республики Башкортостан и др.

нескольких томов устной сокотрийской литературы.

Сотрудниками этого же института регулярно публикуются работы обобщающего характера по классической и новейшей истории отдельных государств Востока.

В ИМБТ СО РАН значительное внимание уделяется изучению истории кочевых народов Монголии и исследованию истории буддизма махаяны.

В Институте философии РАН ведутся исследования восточных философских традиций.

В ИЭА РАН и в ИВ РАН проводятся полевые исследования народов Австралии, Океании, Западной и Восточной Африки.

Результатом работы российских китаеведов стала десяти томная «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» и шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая». История отечественного китаеведения широко представлена в пяти томнике «Российское китаеведение – устная история»³⁵.

Заслуживают внимания публикации ИВР РАН — находящийся в распоряжении сотрудников института уникальный рукописный фонд позволяет им регулярно публиковать источники и переводы источников по классической и новейшей истории народов Востока.

Если рассматривать не только академические институты, но и университеты, то нельзя не отметить формирование школы арабо-османских исследований в ИСАА МГУ, исламоведческие исследования, которые проводятся целым рядом авторов под руководством чл.-корр. РАН Д.В. Фролова, выдающиеся исследования в области языкознания семитских языков и раннего

ближневосточного христианства, которые ведутся в ИКВИА НИУ ВШЭ.

Этот список примеров интересных тематик, разрабатываемых как в институтах, так и в некоторых вузах, может быть продолжен. Тем не менее при их рассмотрении обращает на себя внимание несколько моментов.

Во-первых, большинство крупных оригинальных исследовательских проектов, позволяющих отечественному востоковедению занимать видное место в мировой науке, были начаты еще в позднесоветское время и ведутся они под руководством крупных ученых, чье профессиональное формирование пришлось на ту же эпоху.

Во-вторых, наиболее прорывные исследования выполняются исследовательскими группами, зачастую либо лишь формально связанными с конкретными институтами, либо объединяющими в себе специалистов из разных организаций (примерами этого служат и сокотрийские исследования, и упомянутые масштабные проекты по истории Китая, и др.). В то же время большинство исследовательских проектов, не связанных с историей России или народов России, все же осуществляется отдельными учеными, причем избираемая ими тематика, как правило, определяется лишь индивидуальными предпочтениями. Особенно это касается сотрудников вузов, где зачастую какая-либо политика по стратегии научной работы просто отсутствует.

В-третьих, естественно, возникает вопрос о причинах сужения исследуемой проблематики. Как представляется, в значительной степени это связано с отсутствием ресурсов для проведения полевых изысканий, низким уровнем коллаборации с исследовательскими организациями в изучаемых регионах.

Что касается современной проблематики, то в ней со всей очевидностью преобладают темы, связанные с исследованием

³⁵ Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. В 3-х тт. / Под ред. В.Ц. Головачёва. Изд-во: ИВ РАН, «МАКС Пресс». М., 2018; Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / Отв.ред. В.Ц. Головачёв. М.: ИВ РАН, 2020. Т. 4. 488 с.; Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / Отв.ред. В.Ц. Головачёв. М.: ИВ РАН. Т. 5. 432 с.

международно-политических процессов и внешней политики государств Востока, за ними следуют политологические исследования и лишь затем идут исследования по экономике, ведущиеся лишь в отдельных небольших подразделениях ИВ РАН, ИКСА РАН, ИА РАН и ИМЭМО. Отдельно стоит выделить МГИМО, где на Кафедре востоковедения ведется разработка узловых проблем социально-политического развития и международных отношений на современном Востоке: за десять лет там подготовлено более 20 крупных изданий по проблемам современного Востока, включая учебные пособия и монографии³⁶.

Фактически отсутствуют (или осуществляются лишь отдельными специалистами) социологические исследования современного Востока.

Обращают на себя внимания диспропорции по регионам, на изучении которых концентрируются отечественные востоковеды.

Так, если исследования Китая проводятся не только основной частью научного коллектива ИКСА РАН, но также крупными подразделениями других институтов, то Индией — самой крупной по населению страной в мире — занимаются два небольших подразделения в ИВ РАН и в ИМЭМО, а также сотрудники соответствующих кафедр в ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, на ВФ СПбГУ и с недавнего времени в Институте международных исследований (ИМИ) МГИМО. Работа по исследованию истории, политических процессов и экономики в целом ряде других крупнейших государств Востока и Африки — Индонезии, Пакистана, Нигерии, Бангладеш — вообще ведется исключительно в рамках более комплексных подразделений отдельных институтов. При этом число специалистов по каждой из этих стран (включая историков, политологов, экономистов и пр.) не просто небольшое — каждый раз речь идет о единицах.

Такая же ситуация и с пусть и не столь крупными, но, возможно, еще более значи-

мыми для России государствами — Ираном, Турцией, арабскими монархиями Персидского залива, Египтом, Алжиром.

Так, общее число специалистов по современному Ирану в России не превышает полутора десятков человек, из которых восемь работают в соответствующем секторе ИВ РАН, еще несколько — в МГИМО, РГГУ и других вузах.

На первый взгляд, лучше дело обстоит с исследованиями современной Турции — в отличие от случая с Ираном, здесь речь идет о существовании некоторых специализированных центров в составе РГГУ, ВФ СПбГУ. Однако, даже если учитывать в подсчетах не только тюркологов, но и специалистов по смежным дисциплинам, общее число исследователей здесь также составляет немногим более полутора десятков человек.

Что же касается арабских монархий Персидского залива, то в России историей Саудовской Аравии сегодня активно занимается лишь два человека, историей и политикой малых монархий Залива — один, если не считать молодых исследователей, чья судьба в науке еще не определилась. Схожая ситуация и с упомянутыми Египтом и Алжиром.

Такая ситуация означает, что без резкого усиления мер поддержки соответствующих направлений исследований в перспективе 10–15 лет отечественное востоковедение рискует лишиться ключевых областей.

Наконец, в качестве отдельной проблемы исследовательской деятельности отечественных востоковедов следует считать выстраивание отношений с потенциальными потребителями исследовательской деятельности.

Принятая в России система организации научной деятельности и отчетности по ней,

³⁶ Научные и учебно-методические публикации кафедры / Факультет международных отношений МГИМО.
URL: <https://mgimo.ru/study/faculty/mo/kvost/docs/publication/> (дата обращения 01.09.2023)

учитывающая, прежде всего, публикации в рейтинговых научных журналах и (в меньшей степени) монографии, играет здесь первостепенную роль. Действительно способствуя сохранению чистой науки, она в то же время не создает стимулов ни для осуществления исследовательскими центрами экспертно-аналитического сопровождения

внешней политики, ни для популяризации соответствующих областей знаний через публикацию научно-популярной или учебной литературы. Последнее, в свою очередь, негативно сказывается и на интеграции науки и высшего образования и обедняет учебно-методическую поддержку преподавания востоковедения в вузах.

Новые вызовы востоковедению

Последний из аспектов развития востоковедения в России, который необходимо кратко рассмотреть, связан с обозначением тех вызовов востоковедному знанию, с которыми ему, по всей видимости, предстоит столкнуться в ближайшем будущем.

Если в первых двух разделах доклада речь шла о проблемах, с одной стороны, порожденных эволюцией востоковедного знания как такового, а с другой — спецификой российской ситуации в этой сфере, то здесь речь идет о вызовах, связанных с общими тенденциями развития науки.

Представляется, что таких вызовов шесть.

1. Дальнейшая дифференциация научного знания

Как уже было показано, резкое приращение знаний в области социально-гуманитарных наук в XX в. привело к тому, что сама структура востоковедения в какой-то момент оказалась поставлена под сомнение. И хотя ни к какому его упразднению это не привело, а, напротив, вызвало лишь методологическое и проблемное обогащение, сама проблема решена не была.

Дальнейшее развитие науки и экспоненциальный рост доступной информации об отдельных регионах мира влекут за собой и усложнение коммуникации между отдельными научными дисциплинами.

Одним из выходов из этой ловушки мог бы стать разрабатываемый отечественными учеными трансдисциплинарный подход³⁷, который должен сменить долго господст-

вовавшую в востоковедении междисциплинарность. Впрочем, при том, что в теоретическом плане идея трансдисциплинарности и нова, и интересна, каким конкретно образом этот подход может быть реализован на практике, до сих пор остается не вполне ясным.

2. Цифровизация

Повсеместное распространение цифровых технологий и их активное освоение социогуманитарными науками представляет собой второй вызов. Эти технологии создают новый инструментарий, особенно полезный, например, в количественных исследованиях, и уже активно использующийся в археологии, при работе с восточными рукописями, в лингвистике и экономике и т.д. В то же время возможности их использования при изучении конкретных социально-политических процессов в отдельных обществах все еще остаются не до конца раскрытыми. Кроме того, возникает вопрос о специфике использования цифровых технологий при работе со специфическим эмпирическим материалом востоковедов.

3. Машинный перевод

Неимоверно быстрое развитие машинного перевода и его повсеместное внедрение в последние годы ставит под сомнение саму основу востоковедения — необходимость глубокого знания восточных языков.

Сохранится ли востоковедение в ситуации, когда для общения с представителями тех или иных регионов Востока знание языков станет ненужным, неизвестно.

³⁷ «Трансдисциплинарность – это выход из междисциплинарности на новый уровень интеграции знания, когда на передний план выходят не проблемы на стыке двух дисциплин, а целостное и всеобъемлющее представление об объекте исследования в рамках общей системы научных знаний» — Аликберов А.К. Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы // Ориенталистика. 2022. № 5. С. 729.

Однако, если самим востоковедам необходимо, чтобы область их деятельности не исчезла, им придется более тщательно работать над ее методологическими основами.

4. Новое соотношение фундаментальной и прикладной науки

Сформировавшееся в новое время представление о разделении всего научного знания на фундаментальное и прикладное, и сегодня еще господствующее в отечественном востоковедении, перестает быть адекватным реальности. В этих условиях все большую популярность среди методологов науки обретает идея так называемых трансформационных исследований³⁸, предполагающих тесную связь между фундаментальными изысканиями и практическими потребностями общества. Для востоковедения, в котором эта связка была изначально заложена, такая тенденция в принципе выгодна, и вероятно, при адекватном ответе на иные вызовы, оно сможет перейти к трансформационным исследованиям несколько легче, чем иные социо-гуманитарные науки.

5. Изменение международной научной коммуникации

Если с самого своего возникновения востоковедение означало, в сущности, западную (в широком смысле) науку о Востоке, то становление и быстрое развитие научных школ в странах Азии и Африки создает принципиально новую ситуацию. В случае дальнейшего укрепления незападных центров мировой политической и экономической систем процесс профессионального укрепления этих школ будет продолжаться. В этом плане российское востоковедение обладает определенными преимуществами перед западным — интегрированность отдельных сегментов многосоставной российской культуры в иные культурно-цивилизационные общности создает здесь некоторый потенциал для развития. Вместе с тем в пра-

ктическом плане изменения, происходящие в глобальной инфраструктуре социо-гуманитарных знаний, означают необходимость перестраивания системы внешних коммуникаций отечественных научных и образовательных центров, интенсификации взаимодействия с партнерскими организациями в изучаемых странах, усиление собственно российских школ, занимающихся «российским Востоком».

6. Необходимость определения нового места Востока в мире и очередного переосмысления объекта востоковедения

Задача изучения Востока силами востоковедов будет неизменно актуальной до тех пор, пока в мире сохраняется дихотомия «коллективный Запад» – «коллективный Восток». При этом очевидно, что роль и место Востока в современном мире резко изменились, обретая новые существенные особенности. *Во-первых*, Восток перестал быть традиционалистским по отношению к себе и не может более рассматриваться как отсталый по отношению к Западу (было ли справедливым такое к нему отношение ранее – иной вопрос). Опора на традиции древней культуры и цивилизации, дополненная быстрым и динамичным инновационным развитием, привела к тому, что Восток уже во многих отношениях опережает Запад и возвращает себе некогда утраченные лидирующие мировые позиции.

Изучение обстоятельств прорывного развития «коллективного Востока» в XXI в. – одна из новых задач и вызовов для современного востоковедения.

Во-вторых, в условиях современного мира Восток расширяется до масштабов глобального присутствия, поэтому и современное востоковедение некорректно девальвировать ссылками на историческое

³⁸ Дежина И.Г. Трансформационные исследования: новый приоритет государств после пандемии. М.: Издательство Ин-та Гайдара, 2020. – 116 с.

отсутствие неких «западоведения», «юговедения» или «североведения». Современный Восток не только динамично охватывает и Север, и Юг, но также давно со-охватывает весь Запад, формируя, к примеру, в своей китайской ипостаси совершенно новый «всемирный чайна-таун» (выражение В.В. Малявина), или – в исламской ипостаси – новую детерриториализованную мусульманскую умму (выражение О. Руа). По мнению ряда китаеведов, из этого следует, что метафизическую «биполярную» модель Запад-Восток не-

обходимо заменить динамичной «каплевидной» парной моделью Инь-Ян, обе половины которой естественно дополняют и уравнивают друг друга, тяготея к сближению без слияния и синтезу в виде гармоничного «наличия Инь в Ян и наличия Ян в Инь». Сообразно подобной модели живого соприсутствия глобального Востока и глобального Запада, новым предметом востоковедения становится весь мир, изучаемый с позиций Востока как познающего, самопознающего и познаваемого субъект-объекта.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что при дальнейшем развитии российское востоковедение вынуждено будет отвечать на три основные группы вызовов.

Первые две связаны с развитием востоковедного знания в мире и с новыми вызовами, стоящими перед социо-гуманитарными науками как таковыми. Их можно объединить в следующем перечне.

1. Отстаивание своего права на существование перед лицом генерализирующих дисциплин и стратегии выстраивания отношений с ними.
2. Поиск выхода из принципиальной дихотомии позитивистского идеала научности и культурно-идеологической обусловленности социального знания.
3. Необходимость найти компромисс между стремлением к сохранению классической структуры востоковедного знания и его дальнейшим методологическим и проблемным обогащением.
4. Усиление методологических оснований востоковедного знания.
5. Поиск путей приращения востоковедного знания в условиях цифровизации.
6. Реагирование востоковедного знания на быстрое развитие технологий машинного перевода.
7. Поиск новых путей сочетания фундаментального и прикладного знания.
8. Поиск новых моделей внешних коммуникаций с ключевыми мировыми центрами востоковедного знания, прежде всего, в странах Азии и Африки.

Все эти вызовы стоят прежде всего перед исследовательским сообществом востоковедов, и только оно на них может ответить.

Однако есть иная — третья — категория вызовов и связанных с ними задач, кото-

рые само это сообщество, вероятнее всего, решить не в состоянии. Подчеркнем – при том, что решение этих вопросов требует не только принятия административных мер в сфере управления наукой и образованием, но и повышения координации работы между различными востоковедческими центрами, оно не может быть достигнуто путем создания новых бюрократических структур с неясными задачами и полномочиями, вроде очередных ассоциаций, клубов или сообществ востоковедов.

Эти вызовы и задачи связаны с состоянием востоковедения в российской науке и образовании.

1. Исчезновение отдельных направлений востоковедных исследований и общий кадровый голод, необходимость в условиях поворота на Восток воссоздания школ по отдельным регионам и тематикам.
2. Необходимость перестраивания отношений между научным сообществом востоковедов и потенциальными потребителями результатов исследовательской деятельности — органами государственной власти и институтами гражданского общества.
3. Необходимость укрепления востоковедных институтов в тех регионах, где уже существуют научные школы по отдельным направлениям востоковедения.
4. Необходимость создания условий для интенсификации взаимодействия между академическим и университетским востоковедением.
5. Необходимость создания постоянно действующей системы проведения полевой работы исследователей и стажировок в странах изучаемых языков для студентов и аспирантов.
6. Необходимость обновления учебно-методической базы востоковедных дисциплин.

7. Необходимость увеличения разнообразия магистерских программ по востоковедению и их более тонкой специализации.
8. Необходимость сохранения и развития преподавания редких восточных языков в вузах.

При том что описанные задачи требуют системной скоординированной работы как

самих востоковедов – ученых и преподавателей, так и руководителей научных институтов и вузов, представителей органов государственной власти и т.д., думается, что решение их вполне возможно. Залогом тому – сам растущий в российском обществе интерес к Востоку и осознание им реально существующей необходимости его более глубокого понимания.

Об Институте востоковедения РАН

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт востоковедения РАН — научно-исследовательский институт Российской академии наук в области комплексного изучения Азии и Северной Африки. Является ведущим научным центром мирового масштаба, охватывающим широкий спектр направлений исследований востоковедной тематики. Основан в октябре 1818 года в Санкт-Петербурге под первоначальным названием Азиатский музей при Императорской академии наук.

С 1950 года институт базируется в Москве.

О МГИМО МИД России

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

МГИМО – один из ведущих российских и мировых вузов, готовящий специалистов по 18 направлениям. Является подведомственным образовательным учреждением Министерства иностранных дел РФ. В структуре университета 13 факультетов, лицей, колледж и 2 филиала. В МГИМО обучается около десяти тысяч студентов из России, стран СНГ и дальнего зарубежья. В 2010 году официально занесён в Книгу рекордов Гиннеса как университет с преподаванием самого большого количества государственных иностранных языков (53 иностранных языка).

Основан 14 октября 1944 года, когда созданный годом ранее факультет международных отношений МГУ был преобразован в отдельный институт.

Для заметок

Василий Александрович Кузнецов

**Российское востоковедение: вызовы и перспективы
развития в новой реальности**

Дизайн обложки: В.В. Новикова
Оформление: О.В. Устинкова

Подписано в печать 10.10.2023. Формат 60×90 1/8. Объём 4 п.л.

